

Šapošnikov, Vladimír Nikolajevič

Семантический потенциал частиц и развитие полисемии

Новая русистика. 2018, vol. 11, iss. 1, pp. 39-47

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/138178>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Семантический потенциал частиц и развитие полисемии

Semantic Potential of Particles and Development of Polysemy

Владимир Николаевич Шапошников

(Москва, Россия)

[**статья**]

Abstract:

The article analyzes lexical-grammatical character of the particles and their functional filling. As the units of morphology, they have the certain paradigmatic relations and syntagmatic connections, presented by morphological valency and morphological combinability. They include themselves in the morpho-syntactic constructions. Diverse speech innovations in contemporary Russian language form are analyzed. There is the language norm in the sphere of particles and the limits of the norm exist and arise.

Key words:

particles; semantic functions; lexical-grammatical variants; language changes

Лексико-грамматическая природа частиц и их функциональное наполнение обуславливается разной значимостью их категориального статуса и уровневой принадлежности. Слова-частицы, объединяясь в те или иные группы, показывают яркие категориальные свойства, а, разделяясь на ряд категорий, различаются по природе своих типовых функций. Они выделяются на разных основаниях, соответствующих их сложносоотнесенной семантике. Содержание ряда частиц конструктивно соотносится и распределяется по структурным уровням языка. В содержательном аппарате частиц выделяются общие значения как их категориальное семантическое наполнение и частные значения, формируемые в актуальном членении предложения, выступающие в процессе функционирования и формулируемые аналогично толкованиям значений слов.

Частицы как единицы морфологии характеризуются определенными парадигматическими отношениями и синтагматическими связями, представляемыми морфологической валентностью и морфологической сочетаемостью. Характеризуясь несамостоятельностью и в целом не имея определенной синтаксической функции, частицы в той или иной степени включаются в морфосинтаксические конструкции.

Их содержание и его природа обуславливают синонимию, существующую среди них и выделяемую при анализе. Синонимия частиц разворачивается в пределах одного их какого-либо логико-понятийного разряда. Синонимия частиц имеет предметно-понятийный или функциональный характер. Синонимичные частицы относятся к одному грамматическому разряду, объединяясь соответственным общим значениям образом, и различаются конкретными смысловыми признаками — вносимыми дополнительными смысловыми оттенками. Среди частиц существует также антонимия (просто — лишь, уже — еще) и ономимия (же I, II), также свидетельствующая о характере их семантики и природе их содержания.

С синонимией дискурсивных — имеющих большую значимость в построении текста служебных слов закономерно связана полисемия. Частицы распространяют и расширяют свои семантические функции и развивают многозначность. Партикульные единицы определенных разрядов и групп обладают не одним, а двумя и более значениями. Семантические валентности являются механизмом соединения значений слов.

Служебная часть речи развивается и изменяется в плане содержания. Образуются определенные содержательные корреляции с составом плана выражения. Образуются новые типы употребления у некоторых существовавших в современном русском языке частиц. В них развертываются определенные соотношения с имеющейся совокупностью средств. Так, частица «единственно»

имела усилительно-ограничительное значение (Этим мы обязаны единственно ему). Она приобретает в современной устной речи смежное с ним по качеству выделительно-присоединительное значение. Тем самым устанавливается межчастеречное соотношение, поскольку эта семантическая функция союзного типа; таким способом выражаются отношения и связи между предметами мысли и элементами речи, синтаксически разъединенными (У них *единственно* помещение не проветривается (устная речь, 2010);¹ *Единственно*, на работу далеко ездить; *Единственно*, могут быть пробки на дороге (Российская газета, 10. 6. 2017). Вместе с этим частица выражает эмоционально-оценочное значение.

Выступают также с совершенно новыми семантическими функциями единицы определенных разрядов: *а, давай, дескать, еще, какой, как-то, особо, просто, прямо, ровно, такая/ой, уже*. Тем самым расширяется содержательная область слов, включая в себя новые значения. Они обусловлены типами существовавших значений. Эти значения являются смежными в той предметно-понятийной области, к которой относятся имевшиеся значения частиц. Не представляя вполне самостоятельного, реального — материального значения, в этих словах лексическое значение совпадает с содержанием их грамматической, логической или экспрессивно-стилистической функции.

Таким образом, появляются новые единицы дискурсивного выражения. Их явления многократны и воспроизводимы в речи. Они фиксируются при выделении типов контекстов в структурно-семантическом анализе текстов, где выявляются семантические валентности как механизм соединения значений слов. Отмечаются определенные валентности и способы заполнения валентностей.

Расширение состава семантических функций частиц увязано с онтологией языкового знака и проецируется на субстанциональные границы слова. В языковых изменениях при их пересечении и разрыве возникает омонимия дискурсивных слов, определяемая в сфере действия этих единиц. В результате изменения сферы действия, функций и содержания слов образуется омонимия таких единиц в системе языка: Единственный — частица Единственный' (выражает выделительно-ограничительное значение); может — может' (разг. устн.: Я *может* пойду?); такой — такой'; вон — вон' (простореч., усилительное значение: Он *вон* не пошел!); вдруг — вдруг' и нек. др.

Здесь в составившихся парах слова различаются категориальным значением и принадлежностью к разным частям речи, — к какой-либо знаменательной части речи и частицам. Соответственно, функциональные омонимы выполняют разные синтаксические функции, имеют различные морфологические

1 В скобках указаны источники языкового материала только в обобщенном виде.

категории, различаются лексическим значением, имеют разный морфемный состав и характер сочетаемости. Так, *Единственный* I, II — имеет разные значения и выражает различные семантические роли определяемого существительного.

Другие развившиеся новые типы употребления и значения представляют прямое внутреннее соотношение с существовавшими частицами, которые имели разные семантические функции. Например, частица *Такой* имела 1. выделительное значение и 2. усилительное значение, относившиеся к просторечию. Омонимичное местоимение *Такой* имеет специфическое содержание, представляя указание не на предмет как таковой, но на определенный признак, свойство этого предмета [PADUŠEVA 2002, 133]. Это значение имплицативного типа: указываемое свойство предмета становится известно из контекста либо из реальной ситуации. В современной устной речи слово «такая», а затем появившиеся формы «такой» и «такие», выражает определительное значение, а также модальное значение. Организуется и преобразуется сфера действия частицы как показатель и фактор ее изменения. С этим появившимся значением «такая» употребляется в сочетании не с именем прилагательным либо существительным, а вместе с глаголом-сказуемым, являясь реализацией его семантической валентности и относясь к синтаксической категории предикативности (Я *такая* закричала, потом пошла в медпункт). С другим появившимся значением слово выступает в роли сказуемого (Он *такой*: А у вас какая циркулярка, китайская? (устная речь, 2015); Он *такой*: А мне трубочку! (устная речь, 2017). В этих значениях слово «такой» является принадлежностью устной непринужденной речи (проникает и в телевизионную речь с текстами рекламы).

В семантическом преобразовании дискурсивных слов возникает проблема нормы и границы нормы. Представляя морфологическую валентность, можно оценивать морфологическую сочетаемость, можно отличать правильное как соответствие свойствам системы и неправильное на морфологическом уровне речевых структур. Наблюдая морфологическую сочетаемость, можно получить информацию о закономерностях морфологической валентности. Сравним современное функционирование некоторых частиц. Рассмотрим слово «было». Важность частицы «было» обусловлена ее особой семантикой и положением в структуре высказывания: она соотносится со сказуемым-глаголом и сообщает ему особое модальное и временное значение. Характерно, что «было» отдельно определялось при описании частиц [FILIN 1979, 369]. Частица «было», соединяющаяся с глаголом-сказуемым в форме прошедшего времени, придает ему значение действия начатого, но прерванного или не давшего желаемых результатов. Соответственна особая сочетаемость этой частицы, — с глаголами определенных семантических типов, а впоследствии она начала

соединяться и с причастиями. Она прикреплена к определенной синтаксической конструкции: является осложнением простого или составного глагольного сказуемого. При этом «было» образует видовую форму со значением начатого — неоконченного действия [BULACHOVSKIJ 1958, 388]. Отмечен еще один тип употребления «было»: Я *было* не узнал тебя попервоначально; Я *было* хотел с вами поговорить о деле. Оно имеет значение предшествования.

В фиксируемом новом употреблении слова «было» изменяется фокусное соотношение обозначений, входящих в структуру высказывания действий, что проявляется в структурном членении предложения; при этом частица отъединяется от глагола-сказуемого, которому изначально принадлежала, и соотносится со всем предложением в целом. Частицу «было» требуется отличать от омонимичных связки и полнозначного глагола. Ср.: Впотьмах долго ли *было* и башку сломить; Им все чаще говорить *бывало* не о чем (Л. Леонов); Не надо мне, не надо *было* Любви навстречу столько лет спешить (песня). Неумение опознать осложненное сказуемое ведет к интерпретации «было» в качестве обособления — вводного слова. Это видим, например, в расхожих повествовательных фразах, где «было» выделяется запятыми: Доярку, *было*, наняли, так она вскоре ушла, хоть и платили неплохо; Попыталась, *было*, узнать, какое отношение к нашему городу он имеет (газеты, 2010); После краткого раздумья Дюрсо предложил, *было*, генеральный выход из положения (Л. Леонов) Обособления — вводные компоненты не имеют синтаксической связи с членами предложения, в которое они введены; они связаны с предложением по смыслу и особой интонацией вводности. Синтаксическая позиция, фиксируемая в письме интонацией, влияет на семантику дискурсивного слова.

Семантическая функция частицы обуславливается синтаксисом. Отчасти такое употребление вызывается присущей незакрепленностью позиции «было».

С новым употреблением изменяется смысловая структура предложения. Происходит актуализация определенной части информации в предложении. Происходит усиление информативной значимости не только члена предложения, к которому частица относится, но и самой частицы «было».

Современная реализация лексемы характеризуется изменением стилевой сферы. Дискурсивное слово устраняется из устной речи, к которой изначально принадлежало. Слово становится устаревшим. Оно становится менее употребительным, а в попытках употребления используется в массе некорректно — неправильно (ср. примеры неверного употребления в предлагаемых заданиях студентам: *Спектакль должен было начаться через десять минут, но его отменили из-за технических проблем. [2016]). «Было» перешло в письменную речь, иногда употребляясь в публицистических и художественных текстах. Так

пришли употребления: Владимир Путин поднял голову от бумаг, в которые он *было* углубился (Ведомости, 21. 7. 2013); Шофер двинулся *было* туда, куда ему указали, как вдруг услышал, будто вдогонку: Всё можно увидеть с другой стороны (О. Шишкин, Ведьмёныш, 2013); С утра пошел *было* дождь. Соня с испугом смотрела на мокрых кур и лужи, но дождь прошел (Ю. Казаков).

Эти и подобные употребления «было» в общем вписываются в границы языковой нормы, однако имеют свои особенности синтаксических связей, синтаксической структуры и грамматического значения и морфологических связей.

Отличия сферы действия возрастают, и употребление оказывается на границе нормы. Как это: Неслышной поступью к нему подошла девушка, в которой Авдеев совсем *было* признал Дашу, если бы в ее лице не показалось ему совсем ей не свойственное холодное, даже жестокое выражение (А. Нежный, Вождение, In: Октябрь, 11. 2014). Здесь иное логическое соотношение между частями сложного предложения, в первом из которых находится сказуемое с «было» — уступительное отношение придаточного предложения, в котором служебное слово «было» имеет ограничительно-условное значение. Это соответствует перемене структурно-семантических параметров «было».

В современной речи далее возникают радикальные употребления, занимающие иное место в отношении к норме. Например: Мои истошные вопли заставили ее взяться наконец за хват, которым она начала *было* меня доставать. Короткий комментарий был уже вечером (Литературная газета, 9. 2015); Так ведь русальницы загрызут доможириху и косточки выплюнут — такое злое до утех чаровное племя. Царь *было* стакнулся с русальницей, так едва ноги унес (В. Личутин, Наваждение, In: Литературная газета, 10. 2015). В этом употреблении «было» синонимично частицам = , же, уж, и, вон, ведь¹. Пересечены границы сочетаемости, свойственные этой частице. Изменились синтаксические границы сферы действия единицы.

В современной речи возникают не приглагольные употребления «было»: Здесь и возрожденный в своих правах реализм, и потесненный *было* постмодернизм, и сложный синтез реализма и модернизма (Литературная газета, 6. 2015). В контексте нарушены пределы лексического значения слова, его грамматической связи, грамматической семантики и синтаксической структуры; иного типа семантика подчиняющего глагола-сказуемого — содержится малый компонент действия — акциональности у включающего «было» предиката-причастия; отсутствуют последующие синтаксические структуры противопоставления действий. «Было» соответствует другому предметно-понятийному значению: ,ранее, в некоторое время¹. (На фоне нормы, в целом отсюда в результате высказывания возникает неполная ясность и неточность).

Структурно аналогичны на этом направлении выражения: Ныне театр сохраняет разносторонность, присущую *было* его учредителю (Ведомости, 10. 2. 2015), — где в содержании фрагмента предикации «было» отсутствует компонент акциональности, то есть руководящим причастием обозначено длительное состояние, а не свойственное норме короткое результативное действие; также отличается грамматическая семантика, а в грамматических отношениях отсутствует последующая синтаксическая структура, нормативно противопоставленная предикату с «было».

В соответствии с этим, «было» обозначает временное понятие ‚ранее‘. При этом данное предложение выражает сложное грамматическое значение времени. Обозначается действие, совершившееся ранее данного времени, результаты которого имеют место в настоящем (плюсquamперфект).

С учетом этого следует рассматривать механизм и причины лексико-грамматического явления в современной речи. Следует отметить аналогии нереальной/ потенциальной модальности в грамматической системе. Например: *Поставить было ему* в Земской приказ к розыску крестьян на срок июля в 26 день 1711 года (Полное собрание законов Российской империи, 1713 г.). Отыскиваются в русском языке некоторые формы выражения отношения действия к реальности, хотя и относящиеся к просторечно-областным. Такова форма нереального наклонения и многократного способа действия, содержащая соотносительный по грамматическому виду с «было» компонент: Заходи *быват* (нижегор., моск. обл.) и нек. под. Такой компонент выражает также смысловые оттенки какого-либо члена предложения или предложения в целом, в данном случае синонимичный частицам = ‚же, -ка, ну‘.

Итак, следовательно, общее значение «было» составляется содержательными компонентами: ‚время‘ и ‚осуществимость явления — отношение к реальности‘.

В новом выражении «было» имеет значение времени. Однако содержание материала этим не исчерпывается. Предстает грамматическое синкретическое явление, имеющее смешанный характер.

Употребление «было» формально расширяется. В современной речи появляется синтагматически расширенное употребление слова с личной глагольной формой, отличающейся типом лексического значения — обозначение длящегося действия и отличающейся грамматически — несовершенным видом: Я [...] примеривался *было* к кожаной авиационной куртке фасона «бомбер» (Е. Рейн). Выступает отличие морфологической связи, сочетаемости единицы и грамматического значения, синтаксической связи и синтаксической структуры вместе с ее семантикой.

Выполнение в предложении несвойственной роли приводит к появлению у слова новых синтаксически обусловленных значений.

Каково место возникшего явления в морфологической системе? Наряду с ним продолжает существовать стандартное употребление «было» в его нормативных функциях. Речевое явление не укладывается лишь в рамки части речи частицы: слово не только сообщает лексической и синтаксической единицам добавочное значение, но и имеет иное собственное значение. Употребления такого типа «было» по своей семантике близки части речи модальных слов, то есть обозначению отношения говорящего к содержанию и оценки его реальности. Но есть и структурно-семантические отличия от этой грамматической категории: наличие в выражении семантики признака — процесса и значения времени. «Было» занимает промежуточное положение между частицей и глагольной формой.

Данное употребление характеризуется ограниченностью, но не всеобщностью. Оно возникло только в письменной сфере разговорного стиля, возможно в разговорном письменном русском языке и не присуще устной речи. Создается разрыв в общезыковой картине. Такое употребление не становится достоянием разговорного общения и не становится нормой всего языкового общества. В письменной речи это употребление не общежанрово, но референциально замкнуто.

Подобно этому создается положение в области модальных частиц. Например, в современных речевых процессах выступают частицы, обозначающие передачу чужой речи: *де*, *дескать*, *мол*. В плане функционирования наблюдается аналогичная картина: существовала лексико-грамматическая единица устной речи, которая использовалась и в других стилевых сферах. Данная единица становилась устаревшей, стилистически маркируя дискурс. После этого изменения языковая единица сосредоточилась в иной, письменной сфере, в отдельных ее жанрах. Поэтому частица «*де*» выступает не только в имевшемся, но и в другом структурно-семантическом качестве. Ср. типы употребления: Скажи барину: гости-*де* ждут, щи простынут (А. С. Пушкин), — и современное сформировавшееся: Выступать начал. Мол, фальсификация всё. *Де*, никакой протокол подписывать не буду (С. Данилюк, Рублевая зона, 2004). «*Де*» выделяется пунктуационно, а за данной пунктуацией стоит структурно-семантическое отличие. Частица с изменившимся значением может вставать в начале предложения, занимая другое место в его темо-рематической структуре, и сосуществовать в синтагме с оформленной прямой речью. При этом изменяется характер ее связей с семантическими компонентами высказывания. Слово отчасти получает значение предиката и обозначает факт совершения действия. Категориальная семантика соответствует внутренней форме слова. Во всех этих случаях изменение сферы действия соответствует изменившемуся значению частицы и смыслового фокуса предложения. Изме-

нилось смысловое содержание высказывания. Изменилось содержание «де»: один внутренний компонент составляет оценка — притом не только манеры речи, но и сообщаемой информации, содержания высказывания; другим семантическим компонентом является ,сомнение, недоверие'. В содержание дискурсивной единицы входит коннотация: игра, ерничество или насмешка над коммуникативным намерением адресата. Подобным образом в той или иной степени изменяются другие частицы передачи чужого высказывания в современной речи.

Имеются стилевые различия образующихся единиц. Ряд партикулярных единиц относится к разговорному стилю, являясь замкнутыми в одной сфере употребления. Другой ряд изменяющихся единиц относится к просторечию, имея соответствующие лексико-грамматические, семантические и стилевые характеристики. Например, новое дискурсивное слово «чисто»: Ну, мы во власти должны, *чисто*, людям помочь (М. Бакорина, *Девять граммов пластита*, 2000); Они не могли назвать чисто этот дом (устная речь, 2016).

Стилевая отнесенность некоторых частиц изменяется. Так частицы «было» и «де» устраниаются из устной речи и функционируют в письменной сфере. Устаревает средство передачи чужой речи «мол». Наоборот, частица «якобы», относившаяся к книжной сфере, утрачивает оттенок книжности и расширяет сферу употребления, и при этом изменяет свойственную ей предметно-логическую функцию.

Библиография:

- BOGUSLAVSKIJ, I. M. (1996): *Sfera dejstvija leksičeskih jedinic*. Moskva.
BULACHOVSKIJ, L. A. (1958): *Kurs ruskogo literaturnogo jazyka*. Kijev.
FILIN, F. P. (red.) (1979): *Russkij jazyk. Ėncyklopedija*. Moskva.
PADUČEVA, Je. V. (2002): *Vyskazyvanije i jeho sootnesonnost' s dejstvitel'nost'ju*. Moskva.

Об авторе

Vladimir Nikolaevich Shaposhnikov, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

